ВОСПОМИНАНІЯ М. И. ВЕНЮКОВА

1850—1856 гг.

— «Славный человѣкъ вашъ батарейный командиръ», говорилъ мнѣ въ августѣ 1850 года, въ Петербургѣ, дежурный штабъ-офицеръ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, полковникъ Семеновъ, выдавая подорожную и прогоны до С—ва,—«отличный человѣкъ! Эдакихъ командировъ, какъ Сергѣй Ивановичъ Н**, днемъ съ огнемъ поискать по арміи, такъ найдешь немного. Съ нимъ служить вамъ будетъ и легко, и пріятно».

— Очень радъ, полковникъ, слышать это, и слышу уже не отъ васъ первыхъ. Но, говорятъ, Сергѣй Ивановичъ старый полковникъ и скоро получитъ бригаду.

— Ну, когда еще получитъ! а вамъ лишь бы пріучиться къ службѣ подъ его руководствомъ. Служака онъ хорошій, а какъ человѣкъ еще лучше: образованный, добрый, честный и благородный. Онъ у васъ въ батареѣ все равно какъ отецъ въ семьѣ.

Такъ потомъ въ батареѣ, дѣйствительно, и звали иногда Набимова; только, для вящшей нѣжности, не отцомъ, а папашей. И въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ почти всѣ достоинства отца-командира: большіе, черные усы и нахмуренныя брови, молодую жену, благородный, прямой и нежестокій нравъ, московскую коляску на лежачихъ рессорахъ, усердіе къ службѣ какъ разъ въ пору, т. е. безъ педантизма, большія жирныя эполеты на сюртукѣ, изъ-подъ котораго дома постоянно виднѣлся бѣлый жилетъ, вѣжливость къ офицерамъ и вниманіе къ ввѣреннымъ ему «строевымъ чинамъ», т. е. къ солдатамъ и лошадямъ, изъ которыхъ послѣднія считались лучшими по дивизіи. Но онъ былъ человѣкъ все-таки стараго покроя: не шутя сердился и кричалъ, если полупудовые банники всѣхъ восьми орудій при заряжаніи поворачива-

лись не всѣ въ одинъ и тотъ же моментъ, если уносныя лошади втораго орудія не галопировали слегка при прохожденіи церемоніаломъ мимо начальства, если ѣздовые натирали лошадямъ спины и пр., за что и сѣкалъ тѣхъ, которыхъ считалъ виновными, ибо раны на конской спинѣ признавалъ болѣе важными, чѣмъ на людской. А внѣ фронта онъ выторговывалъ у провіантскаго вѣдомства возможно высокія цѣны на овесъ, солому и сѣно, и получалъ неизбѣжныя «придачи» изъ коммиссаріата за пріемъ посредственныхъ холста, суконъ, сапожнаго товара и пр. Ѣздилъ по городу и даже въ уѣздъ, разумѣется, на казенныхъ лошадяхъ, а въ составѣ домашней прислуги имѣлъ изъ фронта деньщика, кучера и повара, да еще всякій день вѣстоваго. Курилъ трубку, спалъ послѣ обѣда, игралъ въ карты вечеромъ и разсказывалъ иногда скабрезные анекдоты, слегка лишь стѣсняясь присутствіемъ дамъ; словомъ, во всемъ былъ истинный отецъ-командиръ тогдашняго образца.

Вотъ къ этому-то папашѣ явился я, въ концѣ сентября 1850 г., въ С—вѣ, куда батарея только что вернулась изъ Малороссіи. Вооруженный длиннымъ черешневымъ чубукомъ, черезъ который усердно всасывалъ дымъ Жуковскаго вакштафа, онъ привѣтствовалъ меня по-товарищески, не далъ докончить обычной фразы: «г-нъ полковникъ, честь имѣю явиться», и тутъ-же объявилъ, что меня, какъ младшаго прапорщика, по обычаю, ждетъ профессура въ батарейной школѣ. «Фронтовыхъ ученій теперь, по осени и зимою, у насъ мало, и вы это время можете не заниматься ими. Кстати, пользуясь свободою, выучитесь ѣздить верхомъ, такъ какъ въ корпусѣ васъ, конечно, этому не учили. На первый разъ я велю вамъ сѣдлать одну опытную батарейную лошадь, а тамъ вы должны будете пріобрѣсти и собственную».

Итакъ, вотъ программа моей жизни на цѣлые полгода, т. е. до весны 1851 года: учить въ школѣ рекрутъ азбукѣ, арифметикѣ и письму, да учиться самому ѣздить верхомъ, сначала на пожилой батарейной клячѣ, а потомъ на собственномъ верховомъ конѣ. Немного! О какихъ-либо не только «высшихъ», а просто научныхъ вопросахъ, хотя бы относящихся только до артиллеріи,—ни полслова!.. Я, впрочемъ, и не претендовалъ на это, а тотчасъ же справился, гдѣ помѣщается школа, сколько въ ней учениковъ и въ какіе часы бываютъ занятія. За работу я взялся рьяно и даже съ «высшими» надеждами: способствовать духовному развитію молодыхъ солдатъ, сдѣлать ихъ хоть сколько нибудь людьми, а не пѣшками. Многіе юноши, начиная жить для такъ называемой «общественной пользы», конечно, задавались такими идеальными цѣлями и честно вѣрили, что онѣ достижимы.

Владиміръ Ленскій, у Пушкина, однако, въ восемьнадцать лѣтъ уже «пѣлъ» (по тогдашнему обычаю) «поблекшій жизни цвѣтъ», т. е. былъ разочарованъ въ своихъ святыхъ «геттингенскихъ» мечтаніяхъ, которымъ не мѣсто было въ аракчеевской Россіи; его преемникъ и тоже Владиміръ, пріятель Герцена, Бельтовъ, «ровно 14½ лѣтъ не дослужилъ до пряжки», которая, полвѣка тому назадъ, давалась за 15 лѣтъ: служба, даже въ министерствѣ, ему опротивѣла черезъ полгода, потому что въ ней многое оскорбляло сознаніе, совѣсть и честь человѣка свѣжаго. Мое увлеченіе батарейнымъ профессорствомъ кончилось еще ранѣе, мѣсяца черезъ три. Вотъ какъ это произошло. Вступивъ въ завѣдываніе школою, я, разумѣется, не позволялъ себѣ ни бить моихъ учениковъ, ни даже бранить ихъ или наряжать ихъ на лишнюю службу за неуспѣхи, такъ что моя педагогія не знала совсѣмъ наказаній. Точнѣе: за лѣнь или тупость какого-нибудь двадцатипятилѣтняго вахлака, отъ роду не знавшаго аза въ глаза, наказуемъ былъ я, ибо усиленно старался объяснить ему то, что было выше его понятій или даже противно его желаніямъ. Этотъ идеализмъ подалъ поводъ одному старшему меня товарищу-офицеру сказать мнѣ, что я напрасно тружусь: батарейная-де школа вовсе не имѣетъ цѣлью обучить и развить всѣхъ рекрутъ, а довольно съ нея будетъ, если въ годъ она приготовитъ трехъ-четырехъ кандидатовъ для дивизіонной школы, которая снабжаетъ батареи фейерверкерами. Но это практическое замѣчаніе не убѣдило меня, и я возразилъ, что надѣюсь изготовить не четырехъ только кандидатовъ, а двадцать, если только они въ то же время, по поведенію и успѣхамъ по фронту, окажутся достойными повышенія. Упускать же случай дать начала развитія возможно бо́льшему числу людей мнѣ казалось недобросовѣстнымъ, хотя бы потому, что вѣдь у этихъ людей отнято лучшее благо жизни—свобода, и нужно-же чѣмъ-нибудь вознаградить ихъ за это. Собесѣдникъ мой сначала только улыбнулся на эту «идеалистическую выходку», т. е. на честный порывъ молодаго сердца, а потомъ, положа руку мнѣ на плечо, прибавилъ: «Эхъ, батенька! не вы первый, не вы послѣдній являетесь съ такими теоріями. Бросьте ихъ! Солдатъ вы перепортите, изъ олуховъ умныхъ людей не создадите, а службѣ будетъ ущербъ, особенно если станете нѣжничать съ учениками, а не держать ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Для военной службы гораздо лучше неразсуждающій болванъ, чѣмъ умникъ, лучше номеръ, умѣющій ворочать пальникомъ или банникомъ, чѣмъ тотъ-же номеръ, разсуждающій, что лучше бы заряжать орудіе вотъ такимъ манеромъ. И бить солдатъ по временамъ нужно, чтобы они постоянно находились подъ страхомъ, не заражались вольнодумствомъ и без-

прекословно слушались. Вспомните Фридриха Великаго, который хоть и былъ либералъ, пріятель Вольтера, но, объясняя достоинства своей арміи одному знакомому, говорилъ: «Вотъ эти люди, каждый отдѣльно, не могутъ не питать ко мнѣ ненависти, а всѣ вмѣстѣ боятся меня и слушаются. Многіе изъ нихъ готовы бы были, вѣроятно, убить меня, а когда они подъ ружьемъ, въ строю, и знаютъ, что сзади стоитъ фельдфебель съ палкою, то дрожатъ передо мной и даже становятся на часы, чтобы охранять меня отъ убійцъ. Мало того: стоитъ мнѣ скомандовать—и они пойдутъ умирать за меня, зря, беззавѣтно, потому что вѣдь цѣлей войны они не понимаютъ, а вѣрятъ мнѣ и капраламъ моимъ на-слово, что умирать имъ за меня слѣдуетъ. Чѣмъ это достигнуто? Конечно, болѣе всего палкою». Эта теорія въ устахъ 26-лѣтняго человѣка (замѣчу, изъ нѣмцевъ, хотя и православныхъ) показалась мнѣ возмутительной, и я, ошеломленный, не нашелся даже сказать, что вѣдь въ концѣ концовъ дисциплинированные фридриховскіе пруссаки были биты на-голову недисциплинированными французами въ 1792 году, а только замѣтилъ: «ну, вы бейте солдатъ, если это вамъ нравится, а я не стану».—«Ваше дѣло», отвѣчалъ съ новой, уже злой, усмѣшкой товарищъ-наставникъ; «впрочемъ, фендрихамъ вѣдь и по уставу Петра Великаго предоставляется даже плакать и умолять о пощадѣ, когда солдатъ деруть».

Вѣроятно, этотъ разговоръ былъ доведенъ ретивымъ къ службѣ поручикомъ до свѣдѣнія отца-командира. И вотъ, дня черезъ три-четыре послѣ него, дежурный по батареѣ фейерверкеръ принесъ мнѣ такую записку: «Прошу прапорщика Венюкова наказать, въ своемъ присутствіи, на батарейной гауптвахтѣ, писаря Зеленчука ста ударами розогъ. Полковникъ Набимовъ».—Это «честные служаки» хотѣли начать пріученіе меня къ службѣ и излеченіе отъ юношескаго идеализма. Съ своей уставной стороны они, конечно, были правы, ибо «отечество», т. е. оффиціальные его представители, требовали такого режима и не стыдились видѣть въ русскихъ военно-уголовныхъ законахъ XIX столѣтія прогоненіе сквозь строй черезъ шесть тысячъ человѣкъ, что составляло ужасную квалицификацированную смертную казнь... Но мнѣ-то было всего восемнадцать лѣтъ отъ роду, и борьба безсердечнаго «долга» съ совѣстью не могла не быть во мнѣ страстною. Думаю, что молодая дѣвушка, обязанная по крайней нуждѣ или волѣ родителей совершить первое нравственное паденіе, не можетъ чувствовать болѣе сильныхъ негодованія и ужаса, чѣмъ были мои негодованіе и ужасъ. Я поблѣднѣлъ, какъ полотно, холодъ пробѣжалъ у меня по всей кожѣ, зубы и руки тряслись, какъ въ лихорадкѣ, и въ головѣ былъ шумъ, какой слѣдуетъ обыкновенно за паденіемъ на нее

какого-нибудь тяжелаго тѣла. Придя на гауптвахту, я нашелъ уже готовыми розги и палачей, такъ что наказаніе началось черезъ какія-нибудь 30—40 секундъ послѣ того, какъ я переступилъ порогъ и сказалъ: «ну!» Писарь и не думалъ просить меня о чемъ нибудь, а раздѣлся и легъ... «Будетъ!» сказалъ я, наконецъ, голосомъ, вырвавшимся изъ глубины груди: «довольно!» хотя наказуемый едва ли за это время успѣлъ получить и пятнадцать ударовъ. Вмѣсто того, чтобы идти самому къ Набимову для доклада объ исполненіи его «служебнаго порученія», я велѣлъ сдѣлать этотъ докладъ дежурному фейерверкеру, а самъ вернулся домой, сбросилъ съ себя шинель и сюртукъ и грохнулся на кровать, въ подушку лицомъ... Такъ вотъ она военная служба, и еще самая «благородная», артиллерійская!... И это на цѣлую жизнь?!... Только минутъ черезъ десять я началъ приходить въ себя, когда горячія слезы и рыданія облегчили стѣсненную грудь. Въ ближайшее воскресенье, вопреки обычаю, я не пошелъ обѣдать къ Набимову.

Кажется, что съ этой поры мой почтенный, «честнѣйшій и благороднѣйшій» отецъ командиръ и составилъ себѣ убѣжденіе, что изъ меня никогда хорошаго строеваго служаки не выйдетъ (сказать по правдѣ, онъ едва-ли ошибался, хотя генералъ Гейманъ, впослѣдствіи, увѣрялъ меня въ противномъ). И отношенія его ко мнѣ стали замѣтно оффиціальнѣе, холоднѣе, почти въ той же пропорціи, какъ данные мною писарю 15 ударовъ къ недоданнымъ 85-ти. По крайней мѣрѣ, на слѣдующей недѣлѣ онъ, зайдя въ школу, не подалъ мнѣ руки, называлъ меня прапорщикъ Венюковъ, вмѣсто обычнаго Михаилъ Ивановичъ, а изъ школяровъ двухъ изъ самыхъ лучшихъ обругалъ по базарному за то, что они были плохо выбриты (что, собственно, до меня не относилось). Но этого ему было, повидимому, мало, и онъ, кажется, рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ напомнить «баованнымъ» мною школярамъ (22—26 лѣтнимъ), что они не должны забывать о розгахъ, хотя бы хорошо учились и въ школѣ прилично себя вели. По крайней мѣрѣ, вотъ что случилось недѣли черезъ двѣ, передъ самыми святками. Я только что расположился передъ доской съ мѣломъ въ рукахъ, чтобы объяснять начинавшимъ [1]) нумерацію, какъ замѣтилъ, что одного изъ нихъ нѣтъ.—А гдѣ Киселевъ? спросилъ я фейерверкера, моего помощника. — «Онъ, ваше благородіе, арестованъ». — За что? — «Да, говорятъ, сапоги укралъ у товарища».—«Нѣтъ, онъ не укралъ совсѣмъ, пояснили школяры, а надѣлъ чужіе сапоги на время, пока чинились его собственные. У него

[1]) Въ школѣ были солдаты разныхъ степеней начальнаго образованія. М. В.

товарищъ по жилью, старый солдатъ, былъ въ лазаретѣ, вотъ онъ и надѣлъ его пару, потому что своя была худа. А тутъ какъ разъ больной выздоровѣлъ, вернулся и, увидавъ, что его сапоги въ носкѣ, сталъ требовать денегъ за ношеніе. Киселевъ и соглашался отдать, да послѣ, потому что въ ту минуту у него не было ни гроша, а хозяинъ настаивалъ сейчасъ и потомъ пожаловался фельдфебелю; тотъ доложилъ полковнику: Киселева и засадили...». Жаль!... И я началъ было чертить на доскѣ палочки и писать цифры, заставляя повторять за собой ихъ названія. Вдругъ дверь отворилась и въ школу вошелъ старшій офицеръ батареи, обыкновенно въ нее не заглядывавшій. И едва я успѣлъ отвѣтить на его поклонъ, какъ въ школѣ появились четыре ефрейтора съ розгами, а вслѣдъ за ними, въ сопровожденіи дежурнаго фейерверкера, вошелъ Киселевъ. Онъ былъ худъ, блѣденъ, очевидно, провелъ ночь безъ сна, и красные, воспаленные глаза его свидѣтельствовали столько же объ испытанныхъ уже нравственныхъ страданіяхъ, сколько и о боязни предстоявшихъ физическихъ терзаній и общественнаго позора.—«Вотъ, ребята, сказалъ при этомъ громогласно капитанъ, обращаясь ко всей школѣ:—васъ готовятъ въ бомбардиры, ефрейторы и фейерверкеры, а между тѣмъ среди васъ завелся воришка. Ну, потачки ему не будетъ, а вы смотрите, какъ его будутъ драть, да мотайте на усъ». И наказаніе началось. Сначала истязуемый, гордый своей внутренней правотой, сдерживался, какъ сдерживались многіе мученики, безвинно страдавшіе; потомъ онъ громко закричалъ, прося пожалѣть его и помиловать, а, наконецъ, насколько было силъ, отъ боли, связать нѣсколько словъ, сказалъ капитану: «ваше высокоблагородіе! бѣдность моя причиною, что я не имѣю другой пары сапогъ и потому долженъ былъ надѣть чужіе [1]). Ей-богу-же я честный человѣкъ... Ахъ, мать родная! зачѣмъ ты меня несчастнаго родила на свѣтъ?!...» Наказаніе скоро кончилось; но двѣ размазанныя лужи крови остались на полу, а вся спина Киселева представляла одну синебагровую язву, которая потомъ, конечно, обратилась въ ряды гноившихся струпьевъ. Что чувствовало его оскорбленное, униженное внутреннее существо, я хорошо догадывался; но по силѣ бездушнаго правила: «position oblige» не могъ сказать ему сочувствен-

---

[1]) Онъ могъ бы сказать и не бѣдность его, а жадность ближайшихъ къ нему приставниковъ, ибо двѣ пары обуви по закону всегда должны находиться при солдатѣ, но онъ былъ неопытный рекрутъ и этого закона не зналъ. Вообще о правахъ солдатъ начальство скрывало отъ нихъ, ограничиваясь вдолбленіемъ имъ въ головы черезъ спину понятій объ ихъ обязанностяхъ.
М. В.

наго слова и долженъ былъ оставаться безучастнымъ зрителемъ совершеннаго надъ нимъ звѣрства. Мое положеніе требовало, чтобы я «хранилъ его достоинство», то-есть не унижался до разрѣшенной уставами Петра жалости и соотвѣтственныхъ ей «сантиментальныхъ сценъ»; а что послѣ даннаго случая мнѣ это благородное званіе могло опротивѣть, то какое-же дѣло было до этого кому-нибудь, не исключая и Киселева?... И на что-бы ему пригодились мои запоздалыя утѣшенія?...

Послѣ святокъ я сталъ посѣщать школу лишь изрѣдка, изъ опасенія наткнуться опять на порку. Мало того, вмѣсто исполненія въ ней долга нравственнаго, вначалѣ такъ меня увлекавшаго, я сталъ ограничиваться долгомъ служебнымъ, практическимъ, т. е. заниматься съ одними лучшими учениками, которыхъ обыкновенно принято спрашивать на экзаменѣ. Частнымъ образомъ я зналъ, что одинъ изъ нихъ, да еще самый лучшій по успѣхамъ, особенно по письму, былъ когда-то конторщикомъ у богатаго барина и сданъ былъ въ солдаты за постоянныя плутни; совѣсть требовала загородить ему дорогу въ фейерверкеры или писаря, въ званіи которыхъ онъ, конечно, не преминулъ бы взяться за старое; но я старался заглушить этотъ докучливый голосъ, потому что вѣдь Абрамовъ, хоть и опытный плутъ, былъ казовымъ концомъ школы, да и за время службы въ воровствѣ еще не былъ пойманъ, а только занимался изподтишка ростовщичествомъ, конечно, на украденныя въ барской конторѣ деньги. Какое мнѣ было дѣло вмѣшиваться въ нравственные вопросы, когда опытъ показалъ, что эти вопросы рѣшаютъ мимо меня? Да и что мнѣ нравственность набимовской батареи? Сегодня я въ ней, а завтра могу быть переведенъ и въ другую, ну хоть къ Печонкину... И думая разъ такъ передъ уходомъ въ школу, я какъ-то случайно взглянулъ на себя въ зеркало и громко сказалъ самому себѣ: подлостями, братъ, занимаешься, учишься жить!

Но экзаменъ въ школѣ, бывшій передъ передъ святой недѣлей, сошелъ хорошо, и внѣшніе поводы къ укорамъ совѣсти прекратились. Только иногда, по утрамъ, когда, проснувшись, я еще лежалъ въ постели, налетало невзначай представленіе объ усѣченномъ тѣлѣ Киселева, о его крикѣ: «ей-Богу же я честный человѣкъ!» и о малодушіи, которое не позволило мнѣ вступиться за него и объяснить, что поступокъ его былъ вовсе не воровствомъ, а слѣдствіемъ простодушія. Тогда меня что-то какъ бы укалывало въ сердце, я вскакивалъ съ постели и въ какомъ то припадкѣ не то бѣшенства, не то иронiи, говорилъ себѣ, глядя въ зеркало: «ну, да вѣдь ты не призванъ исправлять ошибки людей, такъ сиди и молчи! нѣтъ, даже не молчи, а

поддакивай: «точно такъ, вы справедливы, полковникъ!»..... и благо ти будетъ, и долголѣтенъ будеши на земли!»

Этого рода пароксизмы, на языкѣ психіатровъ, какъ извѣстно, называются первыми приступами сумасшествія; и я теперь почти удивляюсь, какъ въ самомъ дѣлѣ я тогда, т. е. въ бытность въ С—вѣ, не сошелъ съ ума. Впрочемъ, одинъ несомнѣнный признакъ ненормальной психической жизни я пріобрѣлъ тамъ навсегда, это именно любовь къ одиночеству. Я, въ корпусѣ бывавшій душою товарищескихъ кружковъ или, по крайней мѣрѣ, дѣятельнымъ ихъ членомъ, меньше чѣмъ черезъ годъ по выходѣ изъ него сталъ прятаться отъ большинства товарищей, не довѣряться имъ и открыто презирать то, что у большинства ихъ ходило за житейскіе догматы. Въ то же время я усвоилъ привычку насмѣхаться надъ людьми помощью приведенія ихъ началъ къ нелѣпости (reductio absurdum), привычку, которая, конечно, доставила мнѣ въ жизни кучу враговъ.

Въ сторону, однако, личные, да еще психологическіе вопросы! Лучше перейду къ окружавшей меня средѣ и ея обычаямъ, нравамъ и вкусамъ, ея задушевнымъ желаніямъ, надеждамъ, идеаламъ и дѣятельности. Джонъ Стюартъ Милль, если-бы посѣтилъ С — въ въ 1850-хъ годахъ, конечно, не затруднился бы сказать, что тамъ не было ничего, кромѣ conglomerated mediocrity, которой онъ отводилъ такое широкое мѣсто на землѣ. Но я готовъ потребовать отъ него «смягчающихъ обстоятельствъ». Разумѣется, въ С—вѣ, какъ уѣздномъ городѣ, да еще не очень далекомъ отъ столицы, и не могло быть того, что нынѣ, на французско-нижегородскомъ языкѣ, зовется «интеллигенціею», а тогда, на простомъ нижегородскомъ, называлось «хорошо образованнымъ обществомъ». Лучшіе представители мѣстнаго дворянства жили въ Москвѣ, иногда по деревнямъ, но вовсе не въ городѣ. Тамъ «образованными» людьми могли назваться лишь тѣ, кто кончилъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній и читалъ ежемѣсячные русскіе журналы, а этого немного. Да и такихъ людей на 10—15 тысячъ населенія приходилось до крайности мало, человѣкъ 15—20. Это были мы, артиллерійскіе офицеры, исправникъ, тоже бывшій артиллеристъ, городничій, бывшій гусаръ, два путейца, два три доктора, военныхъ и гражданскихъ, да, быть можетъ, учителя уѣзднаго училища, въ «общество», впрочемъ, не принимавшіеся по «неотесанности», точнѣе, по бѣдности. Далѣе уже начинались дѣйствительно дикія, непроходимыя, грязно-болотистыя дебри мелкаго уѣзднаго чиновничества, жившаго взятками, да «именитаго» купечества, едва знавшаго россійскую грамоту, хотя начинавшаго обучать по-немногу сынковъ «по аглецки», ради вящихъ барышей по фабричному дѣлу въ будущемъ.

Наконецъ, массу населенія составляла дѣйствительно масса, сплошь сѣрая, до неотличимости недѣлимыхъ, какъ куча насѣкомыхъ въ верещагвискомъ бухарскомъ клоповникѣ. Разумѣется, что въ этомъ обществѣ, даже въ самыхъ высшихъ слояхъ его, не могло быть и рѣчи о политическихъ интересахъ, волнующихъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, сходные съ С—вымъ по размѣрамъ Невшатель или Сіонъ, хотя и эти піетистическія трущобы могутъ служить мѣстами ссылки для людей вполнѣ современныхъ. С—ское общество безучастно относилось даже къ вопросамъ чисто житейскимъ или гуманіатарнымъ. И это не потому только, что людей, безпокоившихся подобными вопросами, въ самыхъ столицахъ принято было удалять на Кавказъ или за Уралъ, но и просто потому, что въ С—вѣ поднимать такіе вопросы было некому. Я, по крайней мѣрѣ, не помню, чтобы тамъ возникали толки хоть о такихъ невинныхъ вещахъ, какъ суды присяжныхъ, даже просто публичные суды, или чтобы заявлялись желанія видѣть судебную власть независимою отъ администраціи; не помню, чтобы кто-нибудь сомнѣвался въ правѣ городничихъ, квартальныхъ, исправниковъ, становыхъ сѣчь кого имъ вздумается и сколько вздумается, изъ сѣраго люда; не помню, чтобы кто-нибудь позволялъ себѣ дѣлать хоть отдаленные намеки на необходимость уничтоженія крѣпостнаго права. Самое большое, что въ послѣднемъ отношеніи проскользало въ рѣчь, это упреки такимъ крѣпостникамъ-пріобрѣтателямъ, какъ нашъ бригадный командиръ, Павлинъ Матвѣевичъ Якимовичъ-Якимовскій [1]), который держалъ крестьянъ на барщинѣ и въ то же время бралъ съ нихъ оброкъ. Да и то, какіе это были упреки?—«О! онъ строгій хозяинъ: у него денежка любитъ счетъ!» Это, пожалуй, могло даже считаться и похвалою [2]). Затѣмъ: въ чемъ состояли явленія общественной жизни, признаки образованности? — А во-первыхъ, въ «нѣмецкомъ» покроѣ платья и въ нѣсколькихъ «французскихъ» словахъ, произносимыхъ часто не кстати; во-вторыхъ, въ барской праздности, хожденіи по воскресеньямъ на пироги, хожденіи, въ теченіе всей недѣли, «на

---

[1]) Фамилія выдуманная.

[2]) И, должно быть, считалось, да не въ С—вѣ только, а и въ большихъ городахъ. Пріобрѣтателемъ, въ самомъ деруновскомъ смыслѣ слова, Якимовичъ остался до конца дней. Начавъ свою карьеру съ того, что обыгралъ на Кавказѣ одного развозившаго жалованье интенданта, такъ что тотъ застрѣлился, онъ продолжалъ созидать свое благосостояніе грабежемъ крестьянъ и картами, въ которые еще обыгралъ одного кутилу-аристократа. Впослѣдствіи онъ игралъ на биржѣ чрезъ посредство одного изъ своихъ подчиненныхъ, управлявшаго большимъ казеннымъ хозяйственнымъ учрежденіемъ.

М. В.

огоньки», т. е. на карточные вечера или даже на танцы, если въ домѣ, какъ у исправника Писцова, имѣлись фортепьяно и барышни; въ-третьихъ, кто былъ помоложе, убивалъ время за чтеніемъ чего попало и какъ попало, безъ анализа прочитаннаго, для того только, чтобы при случаѣ сказать, что вотъ я то-то читалъ. Объ исторіи литературъ, даже русской, въ с—скомъ «образованномъ» обществѣ имѣлись самыя смутныя понятія; объ исторіи наукъ — никакихъ. Писатели цѣнились со слуховъ, иногда очень нелѣпыхъ. Такъ, исправница, сорокалѣтняя институтка, была увѣрена, что Лермонтовъ— почти злодѣй, и потому не позволила читать его двадцатилѣтнимъ дочерямъ, когда я какъ-то снабдилъ послѣднихъ книгою (даже смирдинскимъ изданіемъ, тщательно «вычищеннымъ» цензурою). Въ получавшихся, въ немногихъ экземплярахъ, толстыхъ журналахъ, напр., въ «Современникѣ», больше всего читались гаерскія статьи Иногороднаго Подписчика и Новаго Поэта, при чемъ первыя признавались верхомъ бонтонности, а послѣднія—остроумія; затѣмъ слѣдовали романы какого-нибудь Вонлярлярскаго; научныя-же статьи имѣли четырехъ– пять читателей во всемъ городѣ. Былъ какой-то общій культъ къ Гоголю, но очень смутный, и никто не думалъ прилагать идей его къ анализу собственной жизни, а тѣмъ болѣе къ ея исправленію. О Гоголѣ только говорили: «жаль, что онъ сошелъ съ ума», объ И—рѣ: «жаль, что онъ ушелъ за границу и что поэтому сочиненія его запрещены въ Россіи» и проч. Даже при смерти Гоголя случившейся въ 1852 г., въ близкой Москвѣ, с—ское образованное общество интересовалось не столько оцѣнкой вліянія этого писателя на современниковъ, сколько фарсомъ актера Ленскаго, который, во время похоронъ, увидавъ у Спасскихъ воротъ нечистоты, будто-бы сказалъ:

И у Спасскихъ воротъ
Видѣнъ русскій народъ:
Гдѣ онъ молится и вѣритъ, и проч.

О томъ, кто замѣнитъ сошедшихъ съ поприща Гоголя и друг. писателей и нужно-ли еще ихъ замѣнять для поддержки начинавшаго развиваться самосознанія въ русскомъ обществѣ? объ этомъ въ С—вѣ не говорили, а въ самыхъ крайнихъ припадкахъ литературнаго азарта спорили о томъ: была-ли графиня Ростопчина, авторъ баллады «Насильственный Бракъ» [1]), «наказана розгами или нѣтъ? Нѣкоторые утверждали, «изъ достовѣрныхъ источниковъ», что при «внушеніи» автору находился Дубельтъ или даже самъ графъ Бенкендорфъ. О Закревскомъ, высѣкшемъ и

[1]) См. эту балладу въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ V, стр. 296—299.

сославшемъ изъ Москвы какого-то моднаго у барынь парикмахера-француза, отзывались, что «графъ—молодецъ», и даже о Цинскомъ, Лужинѣ и Берингѣ находили возможность сказать сочувственное словцо. Это въ С—вѣ я узналъ впервые слова пѣсенки, которую московскіе будочники и пожарные распѣвали на загородныхъ гуляньяхъ:

Гдѣ порядокъ только нуженъ,
Тамъ вездѣ нашъ бравый Лужинъ.

Чтеніе толстыхъ журналовъ и кое-какихъ книгъ изъ нашей же бригадной библіотеки было все, чѣмъ удовлетворялись умственные и эстетическіе вкусы образованнаго с—скаго общества; но не тѣ, которые серьезно интересовались прочитаннымъ, составляли передовыхъ людей, душу общества. Послѣдній эпитетъ сполна могъ быть присвоенъ анекдотистамъ. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ городничій Апуловъ, большой весельчакъ и обжора. Онъ иногда удачно смѣялся надъ именитымъ купечествомъ своего города, передразнивая виднѣйшихъ его представителей и мѣтко характеризуя ихъ. О скаредѣ первой гильдіи, старикѣ Солодѣйкинѣ, онъ, напримѣръ, говорилъ, что будто тотъ «до сихъ поръ не можетъ простить Іудѣ Искаріоту, что онъ продешевилъ, взявши только тридцать сребрениковъ: нужно бы гораздо дороже». Въ дѣлѣ разсказыванья анекдотовъ за Апуловымъ слѣдовалъ нашъ папаша На—въ, при чемъ предметомъ его насмѣшекъ служилъ обыкновенно батарейный же командиръ въ нашей бригадѣ, В**, враль ex-professo. Набимовъ увѣрялъ, что В** однажды, въ оправданіе себя передъ начальникомъ дивизіи въ запозданіи шитья мундировъ, тогда какъ стоявшая въ одномъ съ нимъ городѣ, К—ѣ, батарея Печенкина была обмундирована, говорилъ: «ваше превосходительство! да помилуйте: иначе и быть не можетъ! У Печенкина батарейная швальня расположена на болѣе восточномъ меридіанѣ: у него потому и солнце ранѣе всходитъ, стало быть, портные садятся ранѣе за работу». И начальникъ дивизіи, Сухозанетъ, будто бы отвѣчалъ: «да, развѣ что такъ? а то вамъ, полковникъ, было бы стыдно!» — Тому же В** Н** приписывалъ разсказъ, что будто «въ его прежней батареѣ служила лошадь, у которой въ венгерскую войну пушечное ядро рикошетировало на лбу и на крупѣ, и она при этомъ только помотала ушами. Ядро же, прибавлялъ съ вящимъ жаромъ В**, представьте! — упало послѣ этого прямо въ пустое гнѣздо стоявшаго сзади зарядного ящика, да тамъ и осталось, такъ что батарейный командиръ велѣлъ записать его на приходъ».. И ничего, весь С—въ смѣялся, прибавляя, какой отличный разсказчикъ Сергѣй Ивановичъ: самъ вѣдь не улыбнется! — Я прибавлю, что этому разсказчику было за сорокъ лѣтъ.

Но анекдоты анекдотами, а жизнь жизнью. Первые могли быть временами забавны; вторая была, почти безъ перерывовъ, скучна или точнѣе тягостна, отъ отсутствія содержанія. Эту-то пустоту людямъ, не игравшимъ въ карты, не строившимъ казенныхъ мостовъ съ цѣлью скорѣйшаго ихъ разрушенія [1]), или не занимавшимся скупкой овса по базарамъ, писаніемъ бумагъ въ канцеляріяхъ и соотвѣтственными ему собираніемъ взятокъ и сѣченіемъ правыхъ и неправыхъ, особенно первыхъ,— приходилось наполнять почти исключительно чтеніемъ. Я, какъ и часть моихъ сослуживцевъ, читалъ много и все, что попало, отъ Писемъ о химіи Либиха до Писемъ объ изученіи природы Герцена, отъ виргиліевой Энеиды до Физіологіи Валентина и Гуфландова Enchiridium Medicum, отъ историческихъ статей Грановскаго до Астрономіи Гершеля, отъ Пропилей Леонтьева до Paul et Virginie Бернардена-Сенъ-Пьера и Картинъ природы Гумбольдта. Все это было недурно; но недостатокъ обмѣна мыслей о прочитанномъ, отсутствіе людей, способныхъ дѣльно отвѣчать на возникавшіе вопросы, рѣшать сомнѣнія, давать совѣты, дѣлали работу на половину безплодною. Моя жадность къ чтенію, и притомъ самому разнообразному, грозила изъ меня сдѣлать une bibliotheque renversée, какъ говорилъ когда-то графъ Дибичъ про молодаго, начитаннаго, но не успѣвшаго ни на чемъ сосредоточиться, офицера генеральнаго штаба Гасфорда (впослѣдствіи одного изъ лучшихъ генералъ-губернаторовъ западной Сибири). Желая сколько нибудь упорядочить свои занятія, дать себѣ отчетъ въ результатахъ умственнаго труда, я пробовалъ по нѣкоторымъ вопросамъ составлять небольшія статьи, разумѣется, чисто компилятивныя. Это пріучило меня къ систематическому изложенію мыслей; но, конечно, замѣтки мои бывали, по большей части, не въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки, хотя одна изъ нихъ была напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» того времени. Нѣсколько другихъ были положены мною самимъ подъ-спудъ; и просматривая ихъ теперь, я вижу, что 35 лѣтъ тому назадъ легче было писать языкомъ чисто русскимъ, чѣмъ нынѣ; только не знаю,

---

[1]) Какъ это дѣлали жившіе въ С—вѣ путейцы, которые, взявъ съ подрядчика публично, при закладкѣ моста черезъ разливъ подгородной рѣки, 6,000 рублей, допустили его потомъ строить „по усмотрѣнію“, отъ чего мостъ вышелъ такъ непроченъ, что его весною 1851 г. снесло. Инженеры при этомъ благоразумно задержали у себя квитанцію въ пріемѣ, которую должны были выдать подрядчику еще 1-го марта, и тѣмъ спасли отъ отвѣтственности себя, но раззорили строителя, который долженъ былъ мостъ замѣнить дамбою.
М. В.

отъ чего это происходило: мысли-ли въ молодой головѣ были яснѣе, или формы тогдашняго литературнаго языка вообще были чище. Вѣроятно, что то и другое.

Но скромныя занятія естествознаніемъ, да еще почти исключительно по книгамъ, не могутъ одни удовлетворять человѣка въ 18—19 лѣтъ отъ роду, если онъ отъ природы не созданъ узкимъ спеціалистомъ или не получилъ образованія чисто ремесленнаго. Другіе вопросы, антропологическіе, соціальные, философскіе неотступно тревожатъ сердце и голову. Освободясь, благодаря физикѣ, химіи, геологіи, зоологіи, отъ понятій о сверхъестественномъ происхожденіи земныхъ вещей, хочешь узнать истинные, дѣйствительные законы развитія человѣчества, смыслъ его прошлыхъ судебъ, современные общественные вопросы, поставленные жизнью на очередь, и вѣроятное или хоть возможное рѣшеніе ихъ. Неотразимая прелесть идей, всюду и всегда дающихъ толчекъ политическому прогрессу, глубоко проникаетъ при этомъ въ душу, создаетъ идеалы общечеловѣческаго счастья и, благодаря юношески-живому кровообращенію и юношеской неопытности, заставляетъ вѣрить въ возможность скораго осуществленія ихъ. Исторія идей конца XVIII столѣтія какъ бы подсказываетъ: «надѣйся! и твои идеалы осуществятся!»... Этимъ гуманнымъ стремленіямъ организма всего труднѣе было найти хоть какое нибудь удовлетвореніе или даже сочувственный откликъ въ эпоху, слѣдовавшую въ Россіи за парижскою революціей 1848 года. Живыхъ друзей приходилось замѣнить книгами, да и тѣ разыскивать не безъ труда, иногда замѣнять рукописями, въ изобиліи, впрочемъ, ходившими по рукамъ. За то и впечатлѣніе этихъ печатныхъ и рукописныхъ произведеній ума было всеобъемлюще, проникало въ самые скрытые углы сердца и воображенія.

Одна весенняя ночь 1851 года, которую я сполна посвятилъ чтенію романа «Кто виноватъ?», мнѣ особенно памятна: въ теченіе ея я пережилъ больше, чѣмъ во многіе годы потомъ. И когда въ семь часовъ утра, сложивъ книгу и полный вызванными ею идеями, я пошелъ на ученье, въ батарейный паркъ,—окружавшее меня показалось мнѣ чѣмъ-то болѣзненнымъ, какимъ-то угаромъ, отъ котораго, чтобы не умереть, нужно было, во чтобы ни-стало, вырваться на свѣжій воздухъ, въ ширь науки и гуманной общечеловѣческой дѣятельности... Память о такихъ моментахъ жизни и въ поздней старости оживляетъ усталый организмъ священнымъ огнемъ любви къ человѣчеству и вѣрой въ его прогрессъ, безъ которыхъ самая жизнь есть тягостное, ни на что ненужное прозябаніе.

Кто виноватъ?, Записки доктора Крупова, переписка Бѣлинскаго съ Гоголемъ, историческія статьи Грановскаго, Кудрявцева и нѣк. другихъ, я увѣренъ, сохранились въ памяти многихъ моихъ сверстниковъ, то есть русскихъ людей, молодость которыхъ совпадала съ самой срединой XIX-го столѣтія. И никто не станетъ отрицать благотворнаго вліянія ихъ и критическихъ статей Бѣлинскаго, а тахже произведеній Тургенева, Гончарова и друг. на свое развитіе...

Слишкомъ два года прошли для меня среди одинокихъ и потому небогатыхъ результатами научныхъ занятій, которыя только раздражали мой умственный голодъ, далеко не удовлетворяя его. Въ это время болѣе счастливые сверстники трудились въ университетахъ и академіяхъ, пріобрѣтали прочныя и современныя понятія обо всемъ, дѣлились своими мыслями съ образованной и симпатичной средой. Мнѣ же, видимо, предстояло заглохнуть, и эта мысль не только раздражала меня, но часто доводила до какого-то тупаго отчаянія. Напрасно старался я найти хоть какой-нибудь сочувственный исходъ изъ разъ охватившей меня среды [1]): умъ мой не находилъ ничего, а охлаждаемое имъ воображеніе только распалялось потомъ сильнѣе. О выходѣ въ отставку и поступленіи въ университетъ нечего было и думать: родные, дававшіе хоть какія-нибудь скудныя пособія офицеру, рѣшительно не дали бы ничего студенту. Поступить въ военную академію,— на что двухлѣтняя служба во фронтѣ открывала мнѣ право,—казалось мнѣ какимъ-то нравственнымъ паденіемъ, ибо я чувствовалъ неодолимое отвращеніе отъ сухозанетовскихъ теоріи и практики высшаго военнаго образованія и боялся интригъ, для которыхъ тогда академія считалась—справедливо-ли, нѣтъ-ли—дѣйствительно высшею школою въ цѣлой Россіи. Пристроиться въ Москву, въ дивизіонную фейерверкерскую школу учителемъ хоть ариѳметики, было невозможно безъ протекціи, да и мѣста въ этой школѣ были всѣ заняты: слѣдовательно, стать вольнослушателемъ московскаго университета было также нельзя. Что же было дѣлать? Я ломалъ надъ этимъ вопросомъ голову и ждалъ случая, не представляя себѣ ясно, въ чемъ могъ бы

---

[1]) Говорю это не ради безусловнаго порицанія этой среды, которая была едва ли не лучше многихъ другихъ. По крайней мѣрѣ, когда я, въ концѣ 1852 года, прибылъ въ Петербургъ и сошелся со старыми корпусными товарищами, попавшими въ гвардію, то увидѣлъ, что они во многомъ были ниже моихъ собратій, полевыхъ артиллеристовъ. Солдатъ у нихъ сѣкали иногда „по усиленному окладу“, крестъ-на-крестъ, въ 4 руки, чего у насъ не бывало.
М. В.

онъ состоять и откуда придти. Это былъ фатализмъ мусульманина, сопровождавшійся, конечно, и мусульманской апатіей.

Случай,—этотъ, по Фридриху Великому, всерѣшающій sa majesté le Hasard,—однако, пришелъ, и вотъ какимъ образомъ:

Послѣ моего охлажденія къ батарейной школѣ и вообще къ службѣ, начальство мало тревожило меня, и если дѣлало выговоры, то по крайней мѣрѣ никого не сѣкло въ моемъ присутствіи и никого не поручало мнѣ сѣчь. Фронтовыя обязанности были, конечно, мнѣ не по душѣ; но въ артиллеріи ихъ не много. Притомъ часть ихъ,—и самая важная, стрѣльба, — иногда увеселяла меня. Какъ младшій офицеръ въ батареѣ, я, при стрѣльбѣ, назначаемъ былъ «въ цѣпь», то есть къ валу, для записыванья снарядовъ, попавшихъ въ цѣль (мишень или городокъ), и при этомъ получалъ совѣтъ, наставленіе или намекъ на желаніе начальства, чтобы попавшими оказались столько-то снарядовъ. Достигалось это такимъ образомъ: у сопровождавшаго меня солдата были въ сумѣ топоръ и три-четыре гранаты. Если дѣло шло о прицѣльной стрѣльбѣ, и мало ядеръ попадало въ мишень, то я приказывалъ ему, при осмотрѣ послѣдней, сдѣлать въ ней пробоину обухомъ, и затѣмъ заставлялъ барабанщика «бить походъ», то есть возвѣщать на батарею, стоявшую за версту, что ядро въ цѣль попало. При навѣсной стрѣльбѣ дѣло бывало еще проще, ибо городка съ батареи, за валомъ, видѣть нельзя, и мы могли подкладывать въ него лишнія гранаты, изъ принесенныхъ въ сумѣ, и тоже бить походъ. А оказывалось ихъ мало для полученія «отличной» отмѣтки за искусство поражать навѣснымъ огнемъ скрытаго непріятеля,—у Набимова былъ еще ресурсъ, очень оригинальный и тоже поступавшій въ мое распоряженіе на время стрѣльбы. То была его лягавая собака, пріученная находить снаряды, которые падали не очень далеко отъ городка. Какъ только она замѣчала таковой, то немедленно неслась къ нему во всю прыть, и солдату оставалось подобрать найденный снарядъ и бросить его въ городокъ. Всю эту махинацію я научился продѣлывать скоро и для глазъ наблюдающаго начальства (напр., бригаднаго командира) вполнѣ незамѣтно, почему меня и посылали въ цѣпь постоянно, даже когда въ батареѣ появился младшій меня офицеръ. Къ этой комической сторонѣ стрѣльбы присоединялась еще другая, тоже меня забавлявшая. По закону, каждый взводный командиръ, въ томъ числѣ, стало быть, и я, долженъ былъ вести журналъ стрѣльбы своихъ двухъ орудій и потомъ представлять его, чрезъ батарейнаго и другихъ командировъ, самому высшему начальству, т. е. генералъ-фельдцейхмейстеру. Но иногда положенной

стрѣльбы вовсе не бывало, изъ экономіи пороха и снарядовъ, которые береглись для смотровъ, и тогда ужъ приходилось сочинять все: число выстрѣловъ, выпущенныхъ и попавшихъ, величину отката орудія, уголъ возвышенія его и даже погоду, т. е. вёдро или дождь, тишину или вѣтеръ, и при томъ именно по такому-то направленію. Въ этой высоко-комической подтасовкѣ фактовъ прапорщики, впрочемъ, играли лишь второстепенную роль, именно: они лишь переписывали то, что имъ давали старшіе офицеры батарей, которые для того, чтобы все было шито и крыто, въ концѣ лагерей обыкновенно держали конгрессъ и сочиняли погоду, дистанціи, число выстрѣловъ и пр., такъ чтобы все, по цѣлой дивизіи (14 батарей), было однообразно... Меня эти штуки, повторяю, забавляли; но, разумѣется, недолго; а во вторые лагери, т. е. въ 1852 году, возбуждали досаду и еще болѣе усиливали во мнѣ нерасположеніе къ этого рода занятіямъ...

Въ эти вторые лагери,—какъ всегда, подъ Москвой, на Ходынкѣ,—и произошелъ тотъ случай, благодаря которому я, наконецъ, энергически рванулся въ другую сферу! Дѣло было такъ. Какъ-то вечеромъ, прочтя росписаніе занятій на завтрашній день и видя, что они начнутся не раньше 8 часовъ, я долго читалъ въ постели и на другое утро разсчитывалъ встать не раньше семи. Вдругъ лакей разбудилъ меня въ четыре, а пришедшій съ повѣсткой фейерверкеръ объявилъ, что нужно идти къ батареѣ при шарфѣ и въ каскѣ, потому что «будутъ наказывать бѣглаго». Наказывать... то-есть гонять сквозь строй. Этого изобрѣтенія нѣмцевъ, перенесеннаго въ Россію вмѣстѣ съ петровскою цивилизаціею и популяризированнаго особенно Аракчеевымъ, я дотолѣ еще не видывалъ, и вся кровь бросилась мнѣ къ горлу и сердцу отъ представленія, что я, наконецъ, увижу его. Подойдя къ батареѣ, я уже нашелъ тамъ всѣхъ прочихъ ея офицеровъ и дивизіоннаго аудитора, державшаго въ рукахъ приговоръ. Былъ и бригадный докторъ для опѣнки, можетъ-ли наказуемый послѣ одной «прогулки по зеленой аллеѣ» выдержать вторую, третью и т. д., или же нужно будетъ отдохнуть, т. е. вылечить истерзаннаго человѣка и потомъ, мѣсяца черезъ два, терзать его вторично, до полученія имъ полнаго числа прописанныхъ ударовъ. Вотъ приговоръ прочли, вотъ шеренги солдатъ раздвинули и дали каждому по хлысту, вотъ осужденному привязали руки къ баннику, вотъ повели его, подъ заглушающій его крики бой барабановъ... Я отвернулся, закрылъ глаза заткнулъ уши и невольно спросилъ себя: что же мы, именующіе себя послѣдователями Христа, оставляемъ ему для его страшнаго суда? или, вѣря таковому на словахъ, мы дерзко отрицаемъ его въ дѣйствитель-

ности? Въ довершеніе — вдали стоялъ священникъ съ дарами навсякій случай»...

Послѣ участія, хотя невольнаго, въ экзекуціи, я рѣшилъ оставить фронтовую службу. Внутри у меня это рѣшеніе возникло какъ-то само собою, въ минуту прихода домой съ кроваваго зрѣлища; и я тотчасъ же, съ недоставшей прежде энергіей, приступилъ къ его исполненію. День экзекуціи былъ суббота. Немедленно послѣ окончанія служебныхъ занятій, я одѣлся по-городски и ушелъ въ Москву, пѣшкомъ, изъ экономіи денегъ на извощика. Тамъ, у Сухаревой башни, т. е. верстъ за 12 отъ лагеря, у меня жилъ дядя, старый, александровскій воинъ, очень любившій меня. Его жена, добрая московская барыня, любила меня еще болѣе, такъ что собиралась даже меня женить. Я взволнованнымъ голосомъ объяснилъ имъ все, что накипѣло у меня на душѣ, и просилъ совѣта: . . . . . Тетка совѣтовала поступить въ военную академію, говоря, что это, сверхъ обезпеченія карьеры, привлечетъ меня въ Петербургъ, въ среду образованнаго общества, а еще важнѣе того—сдѣлаетъ меня извѣстнымъ людямъ вліятельнымъ. Я отвѣчалъ, что чувствую отвращеніе къ штабнымъ интригамъ и очень боюсь ихъ, что при томъ жизнь офицеровъ генеральнаго штаба есть жизнь бродячая, мѣшающая серьезнымъ ученымъ занятіямъ, и что, наконецъ, штабные офицеры, «моменты», какъ ихъ тогда насмѣшливо называли, вовсе не пользуются уваженіемъ въ арміи, какъ я имѣлъ уже случай не разъ замѣтить.

— «Правда твоя! сказалъ при этомъ дядя, человѣкъ высоко-честной души. Ну, такъ вотъ что. Попробуй ты пристроиться при одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ репетиторомъ. Должность невзрачная, но она тебя приведетъ въ Москву или въ Петербургъ, а тамъ ты осмотришься и увидишь: стать ли тебѣ преподавателемъ въ корпусѣ или же окончательно выбрать другую дорогу, т. е. гражданскую или литературную. Въ Москвѣ, а особенно въ Петербургѣ, это сдѣлать легко».

— Но какъ же быть въ данную минуту? Въ московскихъ кадетскихъ корпусахъ меня никто не знаетъ, а ѣхать въ Петербургъ хлопотать, безъ увѣренности въ успѣхѣ, нѣтъ средствъ.

— «А вотъ тебѣ и средство, сказала тетка:—здѣсь теперь Ростовцевъ; онъ живетъ недалеко отсюда, на Срѣтенкѣ; напиши ему письмо и отнеси самъ. Онъ—человѣкъ добрый, да и любитъ, чтобы его просили; а что еще важнѣе—любитъ исполнять просьбы: изъ тщеславія или по душевной теплотѣ, я ужъ не знаю, а любитъ».

Эта мысль понравилась мнѣ; мы немедленно вдвоемъ съ дядей сочинили письмо, коротенькое, почтительное, но нисколько не унизи-

тельное для моего самолюбія, льстившее Ростовцеву въ предѣлахъ приличія и выражавшее надежду, что онъ не откажетъ въ сочувствіи моимъ научнымъ стремленіямъ. Я, не жалѣя болѣе денегъ, тотчасъ послалъ извощика въ лагерь съ запискою о доставкѣ мундира и на другой день, въ 10 час. утра, явился на квартиру Ростовцева. Его, по счастію, не было, и я сдалъ письмо камердинеру, что избавило меня отъ личныхъ объясненій съ генераломъ, который хоть и считался добрымъ и образованнымъ, но съ прапорщикомъ, казалось мнѣ, не могъ говорить иначе, какъ надменно-покровительственнымъ тономъ, что, вѣроятно, оскорбило бы меня, смутило и заставило бы сказать глупость или дерзость.

— «Гдѣ же его превосходительство? спросилъ я только у лакея, и можно-ли будетъ еще сегодня его увидѣть? потому что завтра я буду уже на службѣ, въ лагерѣ».

— «Не трудитесь: они сегодня дома не будутъ. Теперь они въ Шереметевской больницѣ у обѣдни, потомъ поѣдутъ въ кадетскій лагерь, подъ Коломенскимъ, а послѣ изволятъ кушать у генералъ-губернатора».

Я немедленно бросился, самъ не зная зачѣмъ, въ Шереметевскую больницу: видѣлъ тамъ Ростовцева во всемъ блескѣ генералъ-адъютантскаго костюма, и онъ мнѣ показался тутъ, въ Москвѣ, еще болѣе важнымъ, чѣмъ я зналъ его въ Петербургѣ; даже росту какъ будто прибыло вершка на два. Затѣмъ, въ какомъ-то радостномъ чаду, съ какой-то внутренней, хоть ни на чемъ не основанной, увѣренностью, что дѣло сдѣлано, я побѣжалъ еще разъ на Срѣтенку или на Лубянку, купилъ на послѣднія деньги портретъ Гумбольдта, и принеся его въ домъ дяди, шутя на него молился: «отче Александре, вонми гласу моленія моего и пріими мя, недостойнаго, въ число учениковъ твоихъ». Мое веселое расположеніе духа быстро сообщилось всѣмъ домашнимъ и, вмѣсто того, чтобы смѣяться надо мною, эти добрые люди поздравляли меня съ грядущимъ успѣхомъ, т. е. скорымъ переселеніемъ въ Петербургъ.

Пообѣдавъ у дяди, направился я опять, пѣшкомъ, въ лагерь, и на другое утро, какъ встрепанный, пошелъ рано по-утру на стрѣльбу, при чемъ самъ замѣтилъ, что моя точка зрѣнія на службу фактически измѣнилась. Видя возможность выхода изъ строя, я, какъ всякій незакрѣпощенный, сталъ охотнѣе имъ заниматься, громче командовать, скакать смѣлѣе у орудій, хотя они могли раздавить меня, если бы лошадь моя споткнулась, и пр. Журналъ стрѣльбы моего взвода, по возвращеніи съ Ходынки въ С—въ, я написалъ, по общимъ статистическимъ даннымъ старшаго офицера, безъ помарокъ и подскобокъ,

а для годоваго, личнаго экзамена вновь сочинилъ цѣлую серію отвѣтовъ, хотя обычное право позволяло мнѣ уклониться. Объ этомъ экзаменѣ стоитъ сказать два слова. Молодые артиллерійскіе офицеры, до штабсъ-капитанскаго чина, обязаны были (въ началѣ 1850-хъ годовъ) всѣ, поголовно, представлять каждый годъ, зимою, семь собственноручно-написанныхъ отвѣтовъ на заданные, будто бы начальствомъ, вопросы изъ алгебры, геометріи, тригонометріи, аналитики, механики, артиллеріи и фортификаціи. Эти отвѣты, писанные на отдѣльныхъ листахъ, сдавались въ бригадный штабъ, оттуда шли въ дивизіонный, оттуда въ Петербургъ, къ генералъ-фельдцейхмейстеру, далѣе къ поручику гарнизонной артиллеріи, И—ну, и, наконецъ, въ мелочныя лавочки по Сергіевской улицѣ, гдѣ служили для обвертыванія колбасъ и селедокъ. По дорогѣ поручикъ И—нъ дѣлалъ по нимъ отмѣтки въ общемъ спискѣ офицеровъ, чтобы видѣть, что всѣ свое «дѣло» сдѣлали. Отчасти благодаря этой комедіи, артиллеристы и считались людьми образованными. По закону, сочиненіе отвѣтовъ лежало на каждомъ офицерѣ, но на дѣлѣ сочиняли ихъ и представляли, непремѣнно въ двухъ экземплярахъ, только новоиспеченные прапорщики, которые еще не успѣвали забыть корпусную мудрость; потомъ, со втораго года службы, каждый имѣлъ уже традиціонное право требовать отъ бригаднаго адъютанта готовыхъ отвѣтовъ, изъ числа составленныхъ молодежью въ предыдущіе годы. И если онъ забывалъ требовать, то адъютантъ присылалъ ему самъ, надписавъ карандашемъ мѣсяцъ и число, къ которому копіи должны быть сданы. Невозможно думать, чтобы это, общее по всей русской артиллеріи, научное надувательство въ давно прошедшую старину не было извѣстно высшимъ властямъ въ Петербургѣ, точно такъ, какъ не могли они не знать подлинной исторіи журналовъ стрѣльбы; спрашивается: кого же тутъ обманывали? Своихъ, очевидно, было нельзя, а потому я готовъ думать, что чужихъ, т. е. Европу: смотри молъ, какую военноученую силу мы имѣемъ противъ тебя. . . . . Но Европа, сколько помнится, даже тогда боялась лишь численности русской арміи, а не техническаго ея образованія.

Для лучшей характеристики артиллеристовъ того времени приведу еще нѣсколько преданій, хранившихся между офицерами и возбуждавшихъ видимое сочувствіе ихъ. Аракчеевъ, установившій письменные экзамены въ наукахъ, хотѣлъ еще ввести въ кругъ занятій офицерства черченіе разныхъ предметовъ вооруженія и снаряженія артиллеріи. Это особенно не нравилось артиллеристамъ, и они стали въ рѣшительную оппозицію всесильному временщику. Даже офицеры тѣхъ ротъ, которыя были расположены около Грузина, по воен-

нымъ поселеніямъ, рѣшились не исполнять приказа. Одинъ шустрый штабсъ-капитанъ особенно наущалъ товарищей быть настойчивыми въ исполненіи разъ принятаго рѣшенія, и дѣйствительно, къ назначенному сроку никто ничего не представилъ. Аракчеевъ, разсвирѣпѣвъ, потребовалъ всю публику на расправу къ себѣ. Пришли, всѣ стоятъ ни живы, ни мертвы, но съ пустыми руками. Вдругъ входитъ злокозненный штабсъ-капитанъ, съ огромною папкою, видимо наполненной чертежами. Начинаются упреки, въ полголоса, за измѣну; штабсъ-капитанъ молчитъ, хотя до ушей его долетаетъ очень нелестная брань. Вотъ появляется Аракчеевъ и начинаетъ пушить ослушниковъ, называя ихъ заговорщиками и даже бунтовщиками. Уставъ браниться, временщикъ обращается, наконецъ, къ штабсъ-капитану и говоритъ: «вы одни, любезный, исполнили мою волю; покажите же, что вы сдѣлали». Штабсъ-капитанъ торжественно выступаетъ впередъ и объясняетъ графу, что для раскладки его чертежа нуженъ большой столъ, котораго нѣтъ въ пріемной. Приказываютъ принести, а въ ожиданіи его установки всѣ сгораютъ отъ нетерпѣнія. Наконецъ, столъ поставленъ, папка развернута. Начинается медленное сниманіе листовъ оберточной бумаги, одинъ за другимъ, но безъ малѣйшаго признака чертежа. Аракчеевъ торопитъ. «Сейчасъ, ваше сіятельство: вотъ онъ!» И глазамъ публики открывается огромный кругъ, замазанный углемъ. «Это что же такое?» спрашиваетъ Аракчеевъ.—А это, ваше сіятельство, разрѣзъ пушечнаго ядра въ большомъ масштабѣ. Такъ какъ у меня математическихъ инструментовъ нѣтъ, купить не на-что, то я не знаю, каковъ именно масштабъ, ибо кругъ начерченъ помощью карандаша, привязаннаго ниткой къ булавкѣ; но полагаю, что онъ болѣе настоящей величины по діаметру въ семь разъ, а по площади въ сорокъ девять. Затушевать его мнѣ то-же было нечѣмъ, ибо въ Грузинѣ ни туши, ни кисточекъ найти мнѣ не удалось; такъ вотъ я замазалъ его углемъ. Разумѣется, въ залѣ раздается общій, хотя подавленный, хохотъ, а Аракчеевъ, не зная, что дѣлать отъ злобы, молча уходитъ въ кабинетъ. Сообразивъ потомъ, что офицерамъ въ самомъ дѣлѣ не всегда бываетъ можно владѣть инструментами и даже находить рисовальную бумагу и тушь, онъ отказывается отъ своего приказа, а офицеры благословляютъ легендарнаго штабсъ-капитана. «Такъ и всегда слѣдуетъ поступать съ самодурами, когда имъ вздумается фантазировать на чужой счетъ», говорятъ они даже въ 1852 году [1]),

[1]) И не только говорятъ, а даже дѣйствуютъ, въ предѣлахъ возможности Вотъ примѣръ. Въ концѣ 1840-хъ годовъ, бывшій начальникъ дивизіи, Сухозанетъ, разъ прислалъ на гауптвахту одной батареи своего деньщика съ запиской, чтобы ему была дана тысяча розогъ и чтобы „шкура была спущена

т. е. черезъ четверть столѣтія послѣ удаленія Аракчеева съ исторической сцены [1]).

Это анекдотъ изъ аракчеевскаго цикла; а вотъ преданія о князѣ Яшвилѣ, бывшемъ начальникѣ артиллеріи. Пріѣзжаетъ князь въ Калугу, гдѣ была собрана для учебныхъ занятій многочисленная артиллерія; идетъ смотровая стрѣльба по батарейно, и такъ-какъ самъ инспекторъ стоитъ у орудій, то выпустить сколько-нибудь лишнихъ зарядовъ, для увеличенія числа попавшихъ въ цѣль, нельзя. Мало того; за городкомъ наблюдаетъ адъютантъ князя, такъ что и подбросить гранатъ со стороны тоже нельзя. Что тутъ дѣлать? Тѣмъ болѣе, что практика неудачна. Батарейный камандиръ рѣшается на послѣднее героическое средство: взорвать бочку съ порохомъ, стоящую на столбѣ среди городка. Вѣдь одинъ такой взрывъ можетъ поправить всю предшествующую неудачу. Онъ мигаетъ номеру съ пальникомъ въ первомъ орудіи; тотъ тыкаетъ огнемъ въ землю, будто для того, чтобы стряхнуть золу, и черезъ секунду бочка разрывается съ грохотомъ. Вся батарея въ восторгѣ, но только не командиръ и ближайшіе сосѣди его, стоявшіе около Яшвиля. Лошадь послѣдняго вскочила на дыбы и чуть-было не сбросила самого князя. Въ чемъ дѣло? — А въ томъ, что князь стоялъ какъ-разъ надъ бороздою, въ которой скрывался стопинъ (хлопчато-бумажная прядь, осыпанная пороховою мякотью), воспламененный пальникомъ и воспламенившій бочку. Шнуръ былъ очень толстъ и, для вѣрности, сильно опудренъ; онъ далъ небольшой взрывъ подъ самымъ носомъ у княжеской лошади, и та испугалась. Штука была слишкомъ груба и нахальна, чтобы князь Яшвиль не разразился бранью. Мало того: въ припадкѣ гнѣва онъ сбилъ съ начальника дивизіи, генерала Х—а, не только треугольную

съ головы до пятокъ". Офицеръ, зная, что генералъ самъ осматриваетъ послѣ наказанія высѣченныхъ по его приказанію людей, не смѣлъ прямо отказаться отъ исполненія повелѣнія и дѣйствительно расписалъ деньщика отъ плечъ до пятокъ, но достигъ этого лишь 200-ми ударами, справедливо опасаясь, что тысяча могла причинить смерть, за которою слѣдовалъ бы судъ, а ему подъ судъ, конечно, не хотѣлось, да и убивать человѣка казалось жестокимъ... Оппозиція дикому повелѣнію въ данномъ случаѣ была лишь частичною, съ компромиссомъ. М. В.

[1]) Едва ли надо говорить, что въ тридцать минувшихъ лѣтъ все измѣнилось къ лучшему въ русской артиллеріи, какъ и въ рядахъ всей русской арміи; великія реформы незабвеннаго и гуманнѣйшаго изъ русскихъ Государей Александра II, осуществленныя на дѣлѣ его достойными сподвижниками, вдохнули совершенно новую жизнь въ русское войско, и теперь оно достойно, во всѣхъ отношеніяхъ, стоитъ въ первомъ ряду лучшихъ армій всего цивилизованнаго міра. Ред.

шляпу, но и парикъ. Генералъ, оскорбленный этимъ, вступился за себя и за своихъ подчиненныхъ. «Что-же вы, ваше сіятельство, горячитесь? Неужели вамъ неизвѣстны обычаи смотровой стрѣльбы? Вѣдь отъ успѣха этой стрѣльбы, какъ бы онъ достигнутъ ни былъ, зависитъ у насъ аттестація всей службы батарейнаго командира, да и цѣлой батареи: какъ же вы хотите, чтобы они не прокладывали стопина отъ позиціи до городка? Лучше бы вамъ просто ударить испугавшуюся лошадь вашу нагайкою и не замѣтить причины ея испуга».....

Не знаю, что говорили и дѣлали далѣе очевидцы казуса, но потомство, т. е. мои современники, въ началѣ 1850-хъ годовъ, держались теоріи Х—а, и чтобы не быть пойманными новымъ Яшвилемъ, всегда дѣлали смотровую стрѣльбу не по батарейно, а цѣлой дивизіей (96 или даже 112 орудій). Поднимутъ громъ такой, что хоть бы подъ Бородинымъ или Лейпцигомъ, да и выпустятъ, вмѣсто восьми зарядовъ изъ каждаго орудія, штукъ по пятнадцати, послѣ чего, конечно, всѣ мишени избиты и городокъ заваленъ снарядами. Я самъ былъ, въ 1852 году, свидѣтелемъ такой сцены. Немедленно послѣ стрѣльбы 6-ой дивизіи въ присутствіи Сухозанета [1]), генералъ этотъ подъѣхалъ къ мишенямъ и сталъ спрашивать у насъ, цѣпныхъ офицеровъ, сколько попало снарядовъ въ мишень каждой батареи? Такъ какъ пересчитать дыры было легко, то никто изъ насъ и не вралъ. Да и надобности не было, потому что мы знали, что оффиціально выпускалось по 8 выстрѣловъ на орудіе, слѣдовательно, 50—55 выстрѣловъ съ цѣлой батареи, попавшихъ въ мишень, были уже успѣхомъ «отличнымъ», а постольку дыръ отыскивалось безъ труда. Но вотъ одинъ докладчикъ говоритъ генералу: у насъ въ мишени 62.—«А сколько выпущено?» —Не знаю, ваше превосходительство: за дымомъ не было видно. — Вслѣдъ затѣмъ къ мишени подъѣзжаетъ батарейный командиръ и на вопросъ Сухозанета, сколько было сдѣлано выстрѣловъ? отвѣчаетъ: «пятьдесятъ шесть. Я старался стрѣлять рѣдко, да мѣтко: у меня и заряды остались послѣ отбоя». — Да, слишкомъ ужъ мѣтко, полковникъ, замѣчаетъ Сухозанетъ: 56 выстрѣловъ сдѣлали и 62 раза попали..... Но пойманный на мѣстѣ преступленія командиръ не сконфузился. «Должно быть, сосѣди помогли, ваше превосходительство!» сказалъ онъ съ усмѣшкой, хорошо понимая притомъ все коварство

---

[1]) Бывшаго въ то время начальникомъ артиллеріи дѣйствующей арміи, въ Варшавѣ, но пріѣзжавшаго въ Москву, для инспектированія артиллерійскихъ войскъ и учрежденій. Впослѣдствіи онъ былъ военнымъ министромъ. М. В.

этихъ словъ, намекавшихъ на неискусство сосѣдей. Генералъ не сказалъ ему уже ни слова, а только разсыпался въ похвалахъ всѣмъ вообще.

— «Ну, говорилъ онъ съ отличавшимъ его искуственнымъ (а можетъ быть и естественнымъ) пафосомъ: узнаю мою бывшую дивизію! Она хоть и носитъ номеръ шестой, но всегда будетъ первой, пока останется вѣрна старымъ преданіямъ. Молодцы вы, господа! и всѣмъ пріятно будетъ узнать отъ меня о вашей полезной и честной службѣ и о вашихъ успѣхахъ».

Мудрено-ли, что такіе порядки въ царствованіе Александра II, отошедшіе въ область старины, возбуждали въ началѣ 1850 гг. негодованіе въ людяхъ неподдѣльно честныхъ и что одинъ изъ нихъ, гренадерской артиллеріи штабсъ-капитанъ У—кій, рѣшился бросить строй, не смотря на то, что считался отличнѣйшимъ офицеромъ?— «Поступилъ я на службу (тогда-то, туда-то и пр.),—да и самъ не радъ: приходится безпрестанно фальшивить, иногда даже дѣлать прямыя подлости; а потому прошу меня изъ службы уволить, да и впредь въ оную никогда не принимать»... Такъ-какъ онъ настаивалъ, чтобы эта просьба достигла до высшихъ властей именно въ такой странной формѣ (въ разсчетѣ, вѣроятно, что послѣдняя обратитъ на себя вниманіе кого слѣдуетъ и поведетъ къ улучшенію служебныхъ порядковъ), то батарейный и бригадный командиры пропустили ее. И только начальнику дивизіи, г.-л. Стаховичу, удалось склонить У—аго взять неловкую бумагу назадъ; но и то какимъ способомъ?—угрозою посадить автора въ сумасшедшій домъ...

Теперь бы можно мнѣ поставить точку къ моимъ «артиллерійскимъ» воспоминаніямъ; но сказавъ довольно много о людяхъ, нужно же упомянуть, хоть въ двухъ словахъ, о скотахъ, то есть о лошадяхъ, которыя въ артиллеріи значутъ не мало. Лошади въ нашей дивизіи были вообще хороши, а въ частности въ нашей батареѣ, какъ я уже упомянулъ,—отличныя. Папаша Н**, будучи человѣкомъ небѣднымъ (по женѣ), кормилъ лошадей до-отвалу, да и при ремонтировкѣ покупалъ дѣйствительно хорошихъ. Оттого начальство выставляло скотскую часть нашей батареи на-показъ всякимъ именитымъ гостямъ, особенно иностраннымъ. Помню, разъ посѣтилъ нашъ лагерь пожилой прусскій полковникъ, самъ командиръ позиціонной батареи. Его поставили впереди набимовской палатки и начали проводить передъ нимъ нашихъ коней. Онъ былъ въ восторгѣ и, хлопая своими длинными руками по колѣнямъ, безпрестанно восклицалъ: «arabische Pferde, arabische Pferde! какая разница съ нашими мекленбургскими водовозами!» И въ самомъ дѣлѣ, лошади тротировали, дѣлали лансады, храпѣли и вообще вели себя совершенно показнымъ манеромъ. Только

простодушный Oberst не видѣлъ, что сзади палатки каждой изъ нихъ подкладывалась подъ-хвостъ щепоть соли съ перцемъ и давался ударъ по ногамъ арапникомъ.

О быстротѣ движеній нашихъ артиллерійскихъ лошадей разсказывались чудеса; особенно при внезапной ихъ запряжкѣ въ орудіе и выѣздѣ на позицію по тревогѣ. Не смотря на то, что конюшни артиллеріи находились въ Хорошовѣ, версты за четыре отъ лагеря, батареи никогда не опаздывали въ строй по тревогѣ. Дѣлалось это, впрочемъ, очень нехитрымъ способомъ. Съ утра самъ корпусный штабъ по секрету увѣдомлялъ, что сегодня въ такомъ-то часу ожидается тревога, и всѣ семьсотъ лошадей артиллеріи, въ полной сбруѣ, немедленно переходили изъ Хорошева во Всесвятскую рощу, находившуюся на лѣвомъ флангѣ лагеря. Едва барабанщикъ клалъ палки на барабанъ, какъ ѣздовые летѣли къ своимъ батареямъ, при чемъ, приличія ради, не всѣ вдругъ, а сначала болѣе отдаленныхъ отъ рощи частей, такъ что запречь и выскакать на позицію передъ Петровскимъ паркомъ успѣвали всѣ почти одновременно. Наѣзжія петербургскія власти бывали просто въ восторгѣ и громко заявляли, что «да! въ случаѣ чего, эти съумѣютъ постоять за себя, не потеряютъ головы и зададутъ непріятелю трёпку прежде, чѣмъ онъ придетъ въ себя». Только съ генераломъ Безакомъ, начальникомъ штаба артиллеріи, такія штуки были невозможны, но вѣдь онъ наѣзжалъ въ 5—6 лѣтъ одинъ разъ, а добродѣтельнаго его принципала, генерала Гилленшмидта, мы обманывали также, какъ и иностранныхъ гостей.

М. И. Венюковъ.